

Господин Дадзай, когда вы приедете? Если вы не поторопитесь, эта сволочная женщина... ой, то есть госпожа Сантьяо вот-вот увлечется кем-нибудь другим.

На самом деле, событиями, развернувшимися в кабинете, больше всего был свидетелем не Итадори Юдзи, а Акутагава Рюноске.

Конечно, то, что Сантьяо Сюэсинь отправилась в кабинет вместе с Годзё Сатору, в общем-то, было делом обычным — всё-таки возникли вопросы к дисциплине на уроке. Однако, стоило ему отправить сообщение господину Дадзаю, как тот с присущей ему мудростью и величием указал на то, что Сантьяо Сюэсинь и Годзё Сатору наверняка были знакомы и раньше, и между ними, судя по всему, кроется какой-то неблагоприятный секрет. Господин Дадзай велел ему немедленно пойти туда и обо всём самом свежем докладывать первому же.

Сначала Акутагава Рюноске относился к этому наполовину скептически: в конце концов, учитель был новым и с виду казался вполне приличным человеком, хотя в том, как он носил костюм, всегда чувствовалась какая-то... наглинка, из-за чего его скрытая сущность проявлялась еще ярче.

Но раз уж так сказал господин Дадзай — значит, он абсолютно прав! А если даже и неправ, всё равно прав! Никто не смеет сомневаться в словах господина Дадзая!

Поэтому он всё же тайком подкрался к дверям кабинета, чтобы подслушать их разговор.

Если бы раньше кто-то попросил этого маленького бешеного пса заняться столь грязным делом, пропитанным неповторимым духом этого демона из Портовой Мафии, он бы ни за что не согласился. Он всегда предпочитал действовать напрямую: если проблемы можно было решить с помощью Расёмона, он решал их наотмашь. Шпионские интриги смотрелись на нем нелепо при любых обстоятельствах.

Но делать было нечего — кому же еще служить, если не тому, кого он уважал больше всего? Раз уж поручение дал господин Дадзай, он выполнит его даже ценой собственной жизни!

Поэтому, хотя Акутагава Рюноске и не застал всё с самого начала, самую взрывную и захватывающую вторую половину он увидел воочию. В ту же секунду ему показалось, что макушка господина Дадзая украшена пышными зелеными рогами. Будучи его вернейшим подчиненным — кхм, пусть даже бывшим, — он был обязан защищать его достоинство.

Стоило Сантьяо Сюэсинь пройти мимо него, как он тут же схватил телефон и настрочил сообщение господину Дадзаю, надеясь, что тот немедленно сорвется и примчится из Йокогамы.

Сюэсинь поначалу действительно не заметила, что снаружи поджидает Акутагава Рюноске. Тот уже в совершенстве владел своим Расёмоном и без труда мог спрятать за ним собственное тело, да так, что никто бы ничего не заподозрил. Винить во всем стоило лишь то, что едва она

миновала его, как раздалось несколько едва слышных, совершенно неуправляемых кашлевых толчков —

В этом мире невозможно скрыть три вещи: бедность, кашель и любовь. Когда она впервые попала в мир великих писателей, ее первой встречей как раз и стал этот маленький бешеный пес. И надо же было такому случиться, что она застала его за убийствами, поджогами и взрывами зданий. Все прохожие в ужасе разбежались и вызывали полицию, и только она одна стояла там и с жадным интересом наблюдала за зрелищем. В итоге, когда маленький бешеный пес шел к выходу и надрывался от кашля, первым человеком, которого он увидел, оказалась она.

То ли он слишком сильно возбудился при виде нее, то ли по какой-то другой причине, но посреди улицы у него вдруг начался период течки, а ингибитор, как назло, не был взят с толку. Альфы, бежавшие по улице в поисках спасения, уловили запах феромонов и тут же утащились в его сторону хищными, волчьими взглядами.

Даже Сюэсинь, способная выдержать аромат омеги в период течки, едва держалась на ногах. И причина была проста: при всей свирепости маленького бешеного пса, его феромоны пахли молоком — тем самым вкусом, перед которым не устоит ни один смертный! Это же было то самое молоко, которое каждый вечер пили перед сном, от одного запаха которого впору было лишиться ног! К тому же тогда Саньтя Сюэсинь только-только прибыла сюда, и в животе у неё всё ещё бурчало от голода. Хотя в прошлом мире она уже успела немало поесть, перемещение между мирами всё равно отняло у неё огромное количество сил. Поэтому, попадая в новое место, она неизменно чувствовала страшную усталость, утомление и острейшее чувство пустоты, из-за чего стоило ей уловить запах еды, как она тут же теряла рассудок.

Именно поэтому, осознав, что маленький бешереный пёс переживает период течки прямо посреди улицы и что на него нацелились бесчисленные Alpha, она и сама едва смогла себя сдержать: одним прыжком оказавшись перед ним, она взвалила его на плечо и утащила прочь.

В то же время она не удержалась и жадно втянула носом воздух у него на затылке, прямо возле железы. Густой сладкий молочный аромат хлынул в ноздри, заставив её слегка потерять голову, и она бессознательно пробормотала: — Какая вкуснотища.

Она помнила, как этот маленький бешереный пёс, который к тому моменту уже обмяк в её объятиях, услышав эти слова, мгновенно ошетинился. Он принялся кашлять и ругать её: — Что за наглый Alpha, не знающий ни высоты неба, ни толщины земли, я ведь и Расёмоном тебя мгновенно прикончу~

Мда, сначала это звучало свирепо и в то же время забавно, но к концу воинственный запал испарился, в мгновение ока превратившись в милое щеночничанье.

Саньтя Сюэсинь, конечно же, понимала, что это неизбежные изменения во время периода течки у Омега, и относилась к этому с пониманием. Она лишь легко шлёпнула его по заднице и утешила: — Закончится период течки — составлю тебе компанию в любое время.

Акутагава... После шлепка Акутагава на мгновение оцепенел. Если бы его учащённое дыхание по-прежнему не обжигало кожу на её шее, она бы и впрямь подумала, что он сейчас развалится на кусочки.

Утащив маленького щенка Акутагаву, Сантья Сюэсинь удалилась недалеко — она отвела его в относительно уединённое местечко, куда ей, разумеется, указал путь Коносукэ.

Она не стала ставить ему Мету, а лишь жадно прижала к груди, до умопомрачения вдыхая молочный запах, и лишь неизвестно сколько времени спустя протянула ему Ингибитор.

Акутагава: Я тут уже почти штаны готов был снять, а ты мне суёшь вот это?

Сантья Сюэсинь в известной степени отличалась прямолинейностью. Видя, какое у него невероятное выражение лица при виде Ингибитора, а также то, что бледность сменился ярким, до предела залившим щёки румянцем, отчего он казался ещё более милым, она могла лишь ущипнуть его за щеку и произнести с видом глубокого понимания: — Я всё знаю, всё знаю. У тебя нет сил самостоятельно сделать укол, а признаться в этом неловко, верно? Ничего страшного, раз уж я взялась довести дело до конца, то помогу тебе уколиться.

Акутагава: «.....» Он никому и никогда не признается, что хоть на долю секунды, на какие-то 0,00001 секунды, всё же ждал, что эта девчонка поставит ему Мету.

В конце концов Сантья Сюэсинь закатала его рукав, отыскала руку и помогла сделать инъекцию.

Делая укол, она не забывала наслаждаться открывающимся зрелищем: — Не сказала бы, что ты такой худой, а под одеждой, оказывается, мышцы есть, весьма крепкие.

С этими словами она даже протянула руку и пощупала их, одарив его похвалой.

Акутагава... Акутагава уже научился с совершенно бесстрастным лицом смотреть на то, как она творит всё, что ей вздумается. После того как её стараниями он лишился всякого достоинства, будучи закинутым на плечо, получив шлепок по заднице и щелчок по носу — то есть, простите, щипок за щеку — теперь ему приходилось терпеть ещё и бесцеремонные ощупывания мышц. Его попросту облапали с ног до головы, и при этом приходилось проглатывать обиду, не имея возможности дать волю гневу.

Он, Акутагава Рюносукэ, разумеется, был совсем не из тех людей! Будучи одним из сильнейших членов Портовой Мафии, способных напрямую пускать в ход беспощадную силу, разве мог он позволить какой-то девчонке непонятного происхождения безнаказанно творить всё, что ей вздумается?

Именно поэтому, как только действие Ингибитора молниеносно подействовало, он тут же

собрался применить Расёмон, чтобы мгновенно прикончить Сантьяо Сюэсинь!

Вот только, к несчастью, в самый момент, когда он почти преуспел, откуда-то с небес внезапно свалился мужчина в абрикосовом плаще до щиколоток, с ног до головы замотанный бинтами. Он вопил на ходу, требуя, чтобы окружающие убирались с дороги и не мешали ему сводить счёты с жизнью, — и именно это позволило бесстыдной Alpha по имени Сантьяо Сюэсинь в очередной раз избежать смерти.

<http://bllate.org/book/21291/2158868>